

ВСЕМИРНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПОЭЗИИ

Омар
ХАЙЯМ

Рубаи

МОСКВА
2018

УДК 821.222.1-1
ББК 84(5Ирн+5Тад)
Х12

Оформление серии *И. Саукова*

Перевод с фарси *Г. Плисецкого*

Вступительная статья *С. Лурье*

Хайям, Омар.

Х12 Рубаи / Омар Хайям ; [пер. с фарси Г. Б. Плисецкого]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с. — (Всемирная библиотека поэзии).

ISBN 978-5-699-74477-0

Знаменитые четверостишия-рубаи Омара Хайяма (ок. 1048 — ок. 1123) переводятся на русский язык уже более ста лет, но с особым успехом — начиная с 70-х годов XX века. В сборник, который вы держите в руках, вошли рубаи, переведенные замечательным поэтом и переводчиком восточной поэзии Германом Плисецким. «Хайям Германа Плисецкого убеждает прежде всего потому, что в его переводах старый иранский мудрец — действительно великий поэт» (Б. Слуцкий). Дополнительную ценность сборнику придают предисловие самого поэта-переводчика и послесловие с рассказом о его судьбе.

УДК 821.222.1-1
ББК 84(5Ирн+5Тад)

- © Плисецкий Г. Б., перевод на русский язык, наследники, 2018
- © Плисецкий Д. Г., составление, 2018
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-699-74477-0

Бичон Хайама

Не знаю, как вы, — а я, собираясь на необитаемый остров, непременно прихватил бы с собою Омара Хайама. Это практично: на весах любой таможни 66 четверостиший стрелку не потревожат, — и вот вам сопутствует лучший в мире собутыльник.

Положим, воображаемый. Но ведь и на выпивку рассчитывать не приходится, это во-первых. А во-вторых — для чего же и алкоголь, если не для той единственной минуты — и скоротечной! — когда очнувшаяся душа взмахнет рукой и скажет необыкновенным (не исключено, что настоящим своим) голосом, звонким от одиночества, что-нибудь такое:

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
Пусть без усталости хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили — и друг, и любовь.

Собственно говоря, человек для того и пьет вот уже сколько тысячелетий, чтобы иногда почувствовать себя Омаром Хайамом. То есть дать Здравому Смыслу шанс поговорить начистоту с Начальником Бытия. Дескать, так и так: допустим, жалоб нет, питанием и прогулками доволен, книги тоже попада-

ются интересные, — допустим, а все-таки: зачем я тут? и на фига мне соблюдать эти ваши правила распорядка и ходить на общие, и наблюдать мерзкие повадки блатных, и трепетать перед вертухаями, если мне светит неизбежная вышка, причем неизвестно за что?

Да, я всего лишь особь, организм, тварь, а мироздание величаво и прекрасно, и я в нем ничего не значу и знаю это, и только этим, с позволения сказать, знанием и отличаюсь от какой-нибудь сосны или, там, пальмы. У вас, наверное, какие-нибудь замечательные замыслы и цели. Мне догадываться о них не положено. Ни жалости, ни снисхождения тоже не ждать. Я — говорящая пылинка, которая очень скоро замолчит навсегда. Что ж, превосходно. Я не нужен — значит, ничего не должен.

Нежным женским лицом и зеленой травой
Буду я наслаждаться, покуда живой.
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты своей роковой!

Меняю ваше мироздание на дозу этилового спирта, в данных исторических условиях — на тыквенную бутылку красной финиковой бормотухи. Потому что в мироздании нет свободы, а в бормотухе она есть. Ненастоящая? Конечно: тут всё ненастоящее, реально только смерть.

Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любой подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.

А я у меня один. И у вас другого меня не будет. И с моей точки зрения — с точки зрения пальмы или пылинки, зачем-то наделенной здравым смыслом, — это жестоко и неумно. И обидно. Фантазия пусть подслащивает эту обиду литературой, философией, религией. А Здравый Смысл предпочитает асимметричный ответ, а именно — финиковую.

В жизни трезвым я не был, и к Богу на суд
В Судный день меня пьяного принесут!
До зари я лобзаю любезную чашу,
Обнимаю за шею любезный сосуд.

Вообще-то никто не видел Хайама пьяным. Он, может быть, и не прикасался к спиртному, и все свои застолья сочинил — как Бунин приключения в темных аллеях. Кстати, Хайам тоже толкует о приключениях, но как бы на уровне теоретических рекомендаций:

С той, чей стан — кипарис, а уста — словно лал,
В сад любви удались и наполни бокал,
Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
Эту плоть, как рубашку, с тебя не сорвал!

Тотчас виден геометр, мастер уравнений: задери девушке рубашку, пока с тебя не сорвали тело. И астроном, автор календаря — лучшего, говорят, в мире (а впрочем, ненужного): тут секунда в космической цене.

Брось молиться, неси нам вина, богомол,
Разобьем свою добрую славу об пол.
Всё равно ты судьбу за подол не ухватишь —
Ухвати хоть красавицу за подол!

И видно также, что не красавицы у него на уме. Живи он столетием раньше да попади ко двору Владимира Красна Солнышка, была бы сейчас Российская Федерация крупнейшим мусульманским государством. Ведь только и не понравился в исламе нашему равноапостольному — безусловный запрет на вино. Так он и отрезал в 986 году исламским богословам: ваша религия для нас неприемлема, поскольку веселие Руси — алкоголизм. Омар Хайам полюбился бы великому князю. Вдвоем они сочинили бы, пожалуй, славную веру, и она завоевала бы весь мир.

Не у тех, кто во прах государства поверг, —
Лишь у пьяных душа устремляется вверх!
Надо пить: в понедельник, во вторник, в субботу,
В воскресенье, в пятницу, в среду, в четверг.

Но Хайам служил султану — и непонятно, как и почему жил довольно долго и умер своей смертью. Какие бы ни были математические заслуги, критиковать в самиздате самое передовое, официальное и притом единственно верное учение — за это ни в одиннадцатом веке, ни в двенадцатом по головке не гладили. Остается предположить, что империя сельджукидов была отчасти правовое государство: не пойман — не автор; тексты ходят по рукам, мало ли кому припишет их неизвестный составитель рукописного сборника... И, наверное, Хайам был гениальный конспиратор. Ни единого автографа не оставил. И прижизненных сборников тоже не нашлось ни одного.

Не горюй, что забудется имя твое.
Пусть тебя утешает хмельное питье.
До того, как суставы твои распадутся —
Утешайся с любимой, лаская ее.

Это жутко осложнило жизнь филологам: в дошедших до нас диванах (или как они там, эти сборники, зовутся), — под именем Хайама живут чуть ли не полторы тысячи рубаи (название жанра; во множественном числе — рубайат). Стихи подражателей, стихи пародистов, любые стихи о выпивке — всё у потомков сходило за Хайама. Это как если через триста-четыреста лет всё, что написано по-русски четырехстопным ямбом, будет считаться наследием Пушкина. Возможно, персидских читателей такое положение устраивало, — но в 1859 году один британец издал поэму «Рубайат Омара Хайама» — издал на свои деньги, анонимно, — а звали его мистер Эдвард Фитцджеральд, — и этот вольный перевод сделался, говорят, самым популярным поэтическим произведением, когда-либо написанным на английском языке.

Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла,
Словно пьяная ночь, беспросветно прошла.
Жизнь, мгновенье которой равно мирозданию,
Как меж пальцев песок, незаметно прошла!

С этих пор человечество взялось за Хайама всерьез, и к нашим дням осталось только 66, как уже сказано, четверостиший, насчет которых никто не сомневается. Еще штук четыреста — очень возмож-

но, что написаны действительно Омаром Хайамом, родившимся около 1048 года в Нишапуре, там же умершим и похороненным около 1123 года. Остальную тысячу рубаи — Бог знает, кто сочинил. В самом лучшем русском издании — Омар Хайам. Рубаи. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1986 — тысяча триста тридцать три четверостишия.

Мы уйдем без следа — ни имен, ни примет.
Этот мир простоит еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было — после не будет.
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

А в золотые свои годы так называемая советская власть издавала Хайама понемножку. Он и ей умудрился насолить:

Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.

Ах, какое это было чтение в эпоху Застоя! Тут еще необходимо сказать про Германа Плисецкого. Дело в том, что Хайама у нас переводили разные замечательные мастера — ярче других И. Тхоржевский, точнее — О. Румер, душевней — Г. Семенов, — но Плисецкий дал ему вечную жизнь в русском языке. Он передал в рубаи Хайама презрение и отчаяние советского интеллигента, как бы начертив маршрут Исфахан — Петушки, далее — Нигде.

Не осталось мужей, коих мог уважать.
Лишь вино продолжает меня ублажать.

Не отдергивай руку от ручки кувшинной,
Если в старости некому руку пожать.

Тысячи лет как не бывало. Старик Палаточник, или Палаткин (так переводится имя Хайам), оказался одним из нас. Как если бы он бежал из Советского Союза и совершил вынужденную посадку в средневековой Персии. Он открыл бином Ньютона задолго до Ньютона — и раньше, чем следовало.

Когда повсюду еще воспевались героические походы рыжих муравьев на муравьев черных (если половец не сдается — его уничтожают, а сдается — обращают в рабство; пусть это самое «Слово о полку» — подделка, но ведь правдоподобная), Хайам уже осознал, что суетиться не стоит — мироздание подобно империи: управляется законом неблагоприятных для человека случайностей. Необозримый концлагерь, где единственный неоспоримый факт — смертный приговор, а принадлежит лично нам лишь неопределенное время отсрочки; хорошо на это время пристроиться придурком в КВЧ¹ (например — звездочетом к султану), — но достоин зависти, а также вправе считать себя живым, счастливым и свободным — только тот, кто выпил с утра. Он и сам играл в такое жалкое блаженство, но больше для виду — назло Начальнику, если он есть. А про себя строил всю жизнь уравнение судьбы, в котором человек — хоть и переменная величина, и притом бесконечно малая, но все-таки не равная ну-

¹ КВЧ — культурно-воспитательная часть в зоне.

лю, — потому что если не на что надеяться, то нечего бояться.

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!

Вот эти четыре строчки на необитаемом острове пригодятся. Не хотелось бы их позабыть.

Самуил Лурье

A decorative rectangular border with intricate, repeating floral and geometric patterns in black ink, framing the central text.

Рубайат

Живая личность поэта

От переводчика

Стихи такого поэта, как Омар Хайам, возможно, не нуждаются в предисловии. Но поскольку время его творчества отделено от нас восемью веками, я решаюсь добавить несколько слов от себя. Всё, что я узнал о Хайаме, всё, что понял в нем за время работы, — всё это без остатка ушло в переводы. Итог — перед читателем. Но мне хочется сказать о том, как постепенно менялось мое собственное представление о переводимом поэте, как живая логика его стихов изменяла предвзятый, односторонний образ, существовавший в моем воображении.

Ибо помимо поэтических и переводческих традиций существует еще инерция восприятия. Сложный поэт нередко упрощен, иногда (невольно) на первый план выступает одна какая-нибудь его черта, затеняя собой остальные. Так возникают «байронизм», «киплингианство», «есенинщина». То же произошло и с Хайамом. У многих, и у меня в том числе, сложился образ этакого веселого старца, с неизменной чашей в руке, между делом изрекающего истины. (Кабачки имени Омара Хайама, открывшиеся в начале XX века в Европе и Америке, — только крайнее выражение этого понимания поэта.)

Несоответствие этого шаблона истинной поэзии Хайама я почувствовал уже при работе над пробными